

29 октября исполнилось пятнадцать лет со дня трагической гибели талантливого драматурга

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО СЕРДЦА

Александра Николаевича Афиногенова.

Афиногенов был по-настоящему современным писателем, его, как художника и гражданина, прежде всего волновали конфликты современности. Остро, подчас полемично ставил он сложнейшие идеологические вопросы своего времени в пьесах «Чудак», «Страх», «Ложь», «Далекое».

Писатель-коммунист, А. Н. Афиногенов выступал как страстный борец за «писателя-мыслителя, философа, человека большого сердца и упорного таланта». Отказ писателей от «самостоятельного творчества, производства мыслей и образов, на которых воспитывались бы массы, формировались их сознание, новые чувства и вкусы», отказ от смелого, подлинно партийного отношения к жизни и тем вопросам, которые она выдвигает, Афиногенов называл «осознанным или неосознанным желанием «выйти из игры», снять с себя ответственность за свое собственное участие в социалистическом строительстве».

Афиногенов оставил большое количество дневников, записных книжек, писем, черновых набросков, нигде ранее не публиковавшихся. Они не только помогают ярче представить гражданский облик писателя, но позволяют проникнуть в его лабораторию, понять творческие принципы, искания драматурга. Ниже публикуются выдержки из дневников и записных книжек, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. В настоящее время архив готовит к печати два тома записных книжек и дневников Афиногенова.

Т. Ланна

Людей надо поддерживать радостью, ругать — это очень легко, но от этого люди грубеют, черствеют, замыкаются, перестают верить людям, а потом и себе, и тогда у них ничего не выходит.

(Дневник.)

Не все интересное — важно драматургу. Драматургия начинается там, где завязывается борьба. Конфликт — основа драмы.

(Записная книжка; без даты.)

В характере сценическом все же всегда надо выделять основную линию даже для главных персонажей. «Три сестры». Соленый, Чебутыкин, Наташа, Ирина... как все они ясны, потому что Чехов берет какую-то одну линию для каждого и ведет ее, даже не видоизменяя, а так из акта в акт одни и те же, несмотря на прошедшие годы. И отвратительная мешанка Наташа уже в первом акте со своим зеленым поясом на розовом платке (а потом уже она учит сестер, как надо одеваться)... Федотик дарит карандашники, книжечки, сувенирчики из акта в акт. И ему веришь, потому что в целом дана ясная гамма характеров. Не просто собрать в пьесу злых и добрых, скупых и щедрых, ревнивцев и рассеянных, а доказать, почему именно такой подбор характеров сделан. Как в симфонии, где не просто куча скрипок, фаготов и басов, а каждому свое определенное место.

(Записная книжка 1933 г.)

В человеке, хотя бы в зачатке, живут все возможные для человека чувства. Выделить главенствующие — задача типизации, но нельзя забывать и остальных.

(Записная книжка; период работы над «Чудаком».)

Не случайные эффекты, а исподволь, закономерно подготовленные взрывы. Надо дать зрителю увидеть, как начинается бомба, как прокладывается замаскированный шнур, как поднесена спичка; шнур горит, зритель с бьющимся сердцем ждет. Эффект взрыва от этого только усилится...

Поступок сам по себе не производит драматического действия, а как раз разряжает напряжение, освобождая героя от замешательства. Только то действие интересно, которое пробуждает в герое новые чувства для новых замыслов, решений, напряжений.

(Записная книжка; без даты.)

Представить состояние лица, которое говорит фразу. Почему именно так и об этом сказал. Почему его тут перебили. Что происходило с ним перед появлением на сцену. Гулял, целовался, дрался, подличал. Немногословные роли должны быть максимально поданы. Не просто вошел для служебных целей, а как вошел, что сделал прежде, чем сказать. Все это можно не давать в ремарках, но знать про себя обязательно.

(Записная книжка; период работы над «Чудаком».)

...Когда вы меня спрашиваете, как я отвечаю на слова тов. Тимошенко (призыв создавать оборонную литературу. — Ред.), то я говорю: я отвечаю целиком этой пьесой и теми ее сторонами, которые будят в нас хорошие чувства. хоп-

шее отношение к товарищам, призывают к чистоте людских отношений, борются за моральную чистоту, за то, чтобы грязь жизни, ее теневые стороны отбросить от подрастающего поколения, среди которых растут те бойцы, которым придется когда-то взять винтовки в руки (пьеса написана в 1940 г. — Ред.). И вот, чтобы воспитать таких людей, и не только в идейном духе нашего общества, но и в эмоциональном качестве искусства, — вот что двигало мной, когда я работал над этой вещью.

(Выступление на обсуждении «Машеньки».)

Не только иллюстрировать данное слово, но обнаружить подводное течение чувств, которые это слово выбросили. Можно написать: «Как воют собаки», а чувствовать: «Как я люблю вас».

(Записная книжка; период работы над «Чудаком».)

Почему девушка в «На дне» читает про принцесс... уж она-то не мечтает жить во дворце, а вот прельщает ее незнакомая жизнь, к какой можно только во сне стремиться. Почему же не давать такие дворцы — еще более богатые, только внутри людей... показывать сильные духом... и великих... а кем они будут, директорами или кондукторами, — все равно и значения не имеет. Я читаю про мужа Карениной и так и не знаю, какие бумаги он подписывает, а имею полное представление о характере его деятельности.

(Записная книжка 1935 г.)

Толстой в предисловии к «Детству» пишет о читателе, понимающем о том, что сам он писал от сердца, и потому не обращал внимания на периоды и красивые фразы... Надо писать от сердца, о том, что переполняет сердце, — вот откуда должен пойти роман, а не от голсовой выдумки, как начать и какой стиль в образец взять...

(Записная книжка 1937 г.)

Как много нужно сделать и как мало времени. Жизнь разбивается на три русла: люди, встречи, книги.

Людей надо знать, чтобы о них писать. Встречи необходимы для общения, обмена мыслями и контроля взаимного роста. Книги нужны для точных знаний и опоры на прошлое человеческих переживаний. Надо плыть в трех руслах сразу, не забывая ничего, только для того, чтобы на повороте обнаружить четвертое русло — творчество, ради которого текут остальные три. Но почему они текут параллельно? Почему нельзя плыть вначале в книгах, потом во встречах и людях? Потому, что уже 25 лет прошло, и годы надвигаются ледяными глыбами, тебя раздавит прежде, чем ты успеешь переплыть русла поочередно.

Отсюда — троица зрение и сердце. А четвертое русло мелеет, если первые три неполноводны. Надо плыть, лететь, ползти — все сразу. Умнее жить и расти — вот она, синяя птица современности. Надо уметь жить, надо уметь организовывать русла и подчинять их себе, вместо того, чтобы безвольно плыть по их направлениям.

(Записная книжка 1929—1931 гг.)